

УДК 821.133.1.09-31: 81'373.231

ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РОМАНЕ М. ПРУСТА «В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ»

Елена Григорьевна Прийтенко

ассистент кафедры французского языка

Омский государственный педагогический университет

644099, Омск, наб. Тухачевского, 14. prytelena@gmail.com

В статье анализируются «значимые» имена собственные романа М.Пруста «В поисках утраченного времени». Сделана попытка сгруппировать имена собственные по области характеристики. Особое внимание уделяется аллюзиям, порождаемым внутренней формой имени. Компонентный анализ онимов позволяет выявить ассоциации с апеллятивами и определить значение «говорящих имен». Кроме того, учитывается этимология поэтонимов и экспрессивность суффиксов. Автором выделяется четыре группы имен собственных: 1) имена, характеризующие национальную принадлежность, 2) имена, описывающие характер, 3) имена, характеризующие персонажей сразу в нескольких аспектах, 4) онимы, косвенно характеризующие главных персонажей.

Ключевые слова: «значимое имя»; оним; персонаж; характеристика; компонент.

Роман М.Пруста «В Поисках утраченного времени» состоит из семи томов и отличается наличием большого количества действующих лиц. Произведение изобилует именами собственными (далее – ИС) как персонажей (антропонимы), так и различных местностей (топонимы). ИС в тексте проявляет себя двояко: оно стабильно (обозначает единый денотат персонажа) и динамично (от употребления к употреблению накапливает семантические смыслы) [Калинкин 2006: 86]. Имя служит базой и центром той работы, которую прodelывает воображение, соотнося поэтоним с объектом, к которому он относится. Многочисленные соответствия, порожаемые ИС, создают вокруг него изменчивую атмосферу [Vendryes 1940: 120–121]. Решающую роль в создании образа персонажа нередко играет ИС, закрепленное за ним.

ИС в художественном тексте отличаются полифункциональностью, т.к. литературные онимы способны в той или иной степени выполнять различные функции (идентификации, создания иллюзии реальности, характеристики, выделения и группировки, перспективации и др.) [Васильева 2009: 132–144]. В данной статье мы проследим характеризующую функцию ИС в романе М.Пруста «В поисках утраченного времени». Эта функция связана с экспрессивностью, эмоциональной окрашенностью и определяется «характеристикой», содержащейся в имени. Подобные

имена имеют внутреннюю форму и этимологическое значение основы, понятные для реципиента, благодаря чему читатель получает информацию о характере, социальном типе персонажа, наделенного этим именем [Фонякова 1990: 45].

Характеристика, содержащаяся в имени, может относиться к различным планам. В романе М.Пруста «значимые имена» условно можно разделить на следующие группы: 1) характеризующие национальную принадлежность персонажа, 2) характеризующие отдельные черты характера персонажа, 3) характеризующие персонажа с нескольких сторон, 4) характеризующие других персонажей.

К **первой группе** «говорящих имен» мы относим следующие поэтонимы, характеризующие:

1) евреев: *Sir Rufus Israels* (сэр Руфус Израэльс), *lady Israels* (леди Израэльс), *Bloch* (Блок);

2) немцев: *le prince von Faffenheim-Munsterburg-Weinigen* (фон Фаффенгейм-Мюнстербург-Вейнинген);

3) поляков: *le sculpteur Ski* (скульптор Ский),

4) русских: *la princesse Sherbatoff* (княгиня Щербатова), *le grand-duc Wladimir* (великий князь Владимир).

Фамилии *Ski*, *Sherbatoff*, *Faffenheim-Munsterburg-Weinigen* образованы по моделям национальных ономастиконов Польши, России,

Германии соответственно. Имя *Wladimir* также относится к русской ономастической традиции [Джарылгасинова 1989: 256, 264, 262].

Рассмотрим следующие поэтонимы: *Sir Rufus Israels, lady Israels* (сэр Руфус Израэльс, леди Израэльс). Фамилия *Israels* предстает как несколько измененный топоним *Israël* (Израиль). Неудивительно, что за этими поэтонимами обнаруживаются персонажи-евреи (Израиль – еврейское государство). Интерес также представляет имя *Rufus* (дословно ‘рыжий’ [Dauzat 1951: 532]). Рыжий цвет волос также указывает на еврейское происхождение. Маркеры вежливости *sir, lady* наводят на мысль об иностранном происхождении их обладателей. Необходимо отметить, что все упоминания этих персонажей в тексте содержат данные маркеры, соответственно подчеркивается «иностранное» происхождение этих героев: «*Au moment où j'allai chez Mme Swann, l'affaire Dreyfus n'avait pas encore éclaté, et certains grands Juifs étaient fort puissants. Aucun ne l'était plus que sir Rufus Israels dont la femme, lady Israels, était tante de Swann*» (Proust II, 118)¹. / «Когда я стал бывать у 2-жи Сван, дело Дрейфуса еще не разгорелось и кое-кто из видных евреев пользовался большим весом. По силе влияния никто из них не мог сравниться с сэром Руфусом Израэльсом, жена которого, леди Израэльс, доводилась Свану теткой» (Пруст I-II, 528).

Таким образом, оним *Israels* становится «говорящим» за счет ассоциации с апеллятивом *Israël*, а имя *Rufus* вызывает у читателя ассоциации с еврейским народом.

Оним *Bloch* (Блок) также закреплен за евреем и содержит «характеристический» компонент. Фамилия этого персонажа, как указывает А. Доза, еврейского происхождения и означает ‘иностранный’, ‘чужой’, ‘иностранец’, ‘чужак’ [Dauzat 1951: 47]. В романе этот персонаж воспринимается другими действующими лицами как еврей. Так для семьи Марселя (главного героя произведения) Блок является евреем: «*Bloch en effet ne fut pas réinvité à la maison. Il avait d'abord été bien accueilli. Mon grand-père, il est vrai, prétendait que chaque fois que je me liais avec un de mes camarades plus qu'avec les autres et que je l'amenaiss chez nous, c'était toujours un juif, ce qui ne lui eût pas déplu en principe... s'il n'avait trouvé que ce n'était pas d'habitude parmi les meilleurs que je le choisissais. Aussi quand j'amenaiss un nouvel ami, il était bien rare qu'il ne fredonnât pas : "Ô Dieu de nos Pères" de la Juive ou bien "Israël romps ta chaîne"...*» (Proust I, 107). / «Блока к нам больше не приглашали. Сперва его приняли радушно. Правда, бабушка

утверждал, что я дружу и привожу к себе в дом непременно евреев, против чего он принципиально не возражал бы..., но он находил, что я выбираю себе в друзья не лучших. Вот почему, когда я приводил к себе нового друга, он почти всегда напевал "О бог наших отцов" из "Жидовки" или "Израиль! Порви свои цепи"...

Для другого персонажа – барона де Шарлю – Блок также является евреем: «*Vous n'avez pas tort, si vous voulez vous instruire, me dit M. de Charlus après m'avoir posé ces questions sur Bloch, d'avoir parmi vos amis quelques étrangers. Je répondis que Bloch était Français. "Ah ! dit M. de Charlus, j'avais cru qu'il était Juif" (Proust IIIб, 225-226). / «Для вашего дальнейшего развития, – кончив расспросы о Блоке, продолжал де Шарлю, – вам следует водить дружбу с людьми другой национальности». Я ответил, что Блок – француз. «А-а! – произнес де Шарлю. – Я думал, еврей» (Пруст III, 330).*

Этимология онима *Bloch* указывает на иностранное, еврейское происхождение, что и находит подтверждение в тексте. Персонаж, закрепленный за этим ИС, воспринимается как «чужак», не француз.

Вторую группу составляют имена, отражающие характер персонажей: *le marquis de Norpois* (маркиз де Норпуа), *Jurien* (Жюньен), *le baron de Charlus* (барон де Шарлю) и др. Так, оним *Norpois* распадается на два элемента: *nor* от *noir* (черный) + *pois* (густой, непроглядный туман). Исходя из этого, можно сказать, что два этих элемента характеризуют маркиза как очень скрытного человека (черный цвет также ассоциируется с непроницаемостью). Текст романа подтверждает, что де Норпуа является «непроницаемым» человеком, как внешне: «*Peut-être par habitude professionnelle... M. de Norpois, pendant qu'on lui exposait quelque chose, gardait une immobilité de visage aussi absolue que si vous aviez parlé devant quelque buste antique – et sourd – dans une glyptothèque*» (Proust II, 54). / «Быть может, в силу профессиональной привычки... маркиз, когда ему что-нибудь излагали, сохранял полнейшую неподвижность черт лица, как будто вы обращались в глиптоотеке к глухому античному бюсту!» (Пруст II, 465–466); так и по характеру: «*Je sais bien que le père Norpois est très boutoné, mais avec moi, il s'ouvre si gentiment*» (Пруст II, 39). / «Старик Норпуа обычно застегнут на все пуговицы, ну, а со мной он – в виде особой любезности – нараспаику» (Пруст II, 451). То есть поэтоним *Norpois* характеризует такую черту характера персонажа, как скрытность и сдержанность, что находит подтверждение в романе.

Другой персонаж, *Jupien* (Жюпьер), также имеет «говорящее имя», проясняющее характер. Данный оним закреплен за жилетником, которому будет отведена значительная роль в романе и в жизни барона де Шарлю. Этот оним ассоциируется с апеллятивом *jupe* (юбка, женщина).

Первое упоминание об этом персонаже оказывается связанным с юбкой, но здесь еще не фигурирует его имя: «*Ma grand'mère était revenue de sa visite enthousiasmée par la maison qui donnait sur des jardins et où Mme de Villeparisis lui conseillait de louer, et aussi par un giletier et sa fille, qui avaient leur boutique dans la cour et chez qui elle était entrée demander qu'on fit un point à sa jupe qu'elle avait déchirée dans l'escalier*» (Proust I, 44). / «Бабушка вернулась в восторге от дома окнами в сад, – маркиза де Вильпаризи советовала ей нанять здесь квартиру, – а также от жилетника и его дочери, у которых было заведение во дворе и куда она, разорвав на лестнице юбку, зашла попросить заштопать ее» (Пруст I-II, 47). Позднее вводится имя этого персонажа: «*Mais elle était interrompue par les appels du giletier de la cour, celui qui avait tant plu autrefois à ma grand'mère le jour où elle était allée voir Mme de Villeparisis et n'occupait pas un rang moins élevé dans la sympathie de Françoise... La coquetterie de la jeune fille qu'avait été Françoise affinait alors pour M. Jupien le visage ronchonneur de notre vieille cuisinière alourdie par l'âge, par la mauvaise humeur et par la chaleur du fourneau...*» (Proust IIIa, 26). / «Но тут Франсуазу прерывали доносившиеся со двора крики жилетника, который понравился бабушке, когда она была у маркизы де Вильпаризи, и пользовался не меньшими симпатиями Франсуазы... Кокетливость девушки, в какую превращалась Франсуаза, утончала тогда в глазах Жюпьера недовольное лицо нашей старой кухарки, огузневшей от возраста, от дурного расположения духа и от раскаленной плиты....» (Пруст III, 29).

В полной мере «раскрывается» имя Жюпьера в четвертом томе, когда Марсель становится свидетелем любовной сцены, разыгравшейся между жилетником и де Шарлю. Именно здесь Жюпьер предстает в роли женщины: «*Quel que fût le point qui pût retenir M. de Charlus et le giletier, leur accord semblait conclu et ces inutiles regards n'être que des préludes rituels, pareils aux fêtes qu'on donne avant un mariage décidé. Plus près de la nature encore... on eût dit deux oiseaux, le mâle et la femelle, le mâle cherchant à s'avancer, la femelle – Jupien – ne répondant plus par aucun signe à ce manège, mais regardant son nouvel ami sans étonnement...*» (Proust IV, 8). / «Как ни сдерживали себя де Шарлю и жилетник, согла-

шение между ними, казалось, было уже достигнуто, а бесцельные их взгляды были только обрядовой прелюдией, чем-то вроде вечеринки перед свадьбой. Если поискать сравнения в природе ... то можно было бы сказать, что это две птицы, самец и самка, и что самцу хочется подойти поближе, а что самка – Жюпьер – хотя и никак не отвечает на его заигрыванья, однако смотрит на своего нового друга без всякого удивления...» (Пруст IV, 30). То есть мы можем говорить о том, что оним *Jupien* в некотором роде антиципирует ход развития сюжета, подсказывает, что персонаж, закрепленный за эти именем, напоминает женщину.

Третья группа «значащих имен» характеризует персонажа с нескольких сторон. Здесь можно выделить подгруппу «говорящих» имен, указывающих на род деятельности персонажей. Ис из этой подгруппы выявляют и такие аспекты, как характер, внешность. *Mme de Marsantes* (2-жа де Марсант) – мать Робера де Сен-Лу, молодого человека, принадлежащего к высшему аристократическому обществу, большого друга Марселя (главного героя произведения). В имени этой женщины заложена явная характеристика: *Marsantes* = *mère sainte*, т.е. святая мать. На фонетическом уровне происходит замена чистого гласного [a] на чистый [E] и носового гласного [ã] на носовой [E®] (ср. [mar-sã:t] и [mEr-sE®:t]).

В тексте «характеристика» имени полностью себя оправдывает. Уже при введении персонажа посредством ономастической ретардации мы находим этому подтверждение: «*La duchesse s'arrêta net, car une dame entraît qui était la vicomtesse de Marsantes, la mère de Robert. Mme de Marsantes était considérée dans le faubourg Saint-Germain comme un être supérieur, d'une bonté, d'une résignation angéliques... Elle enthousiasmait le faubourg Saint-Germain et, par sa vie de sainte, l'édifiait aussi... À la campagne, Mme de Marsantes était adorée pour le bien qu'elle faisait, mais surtout parce que la pureté d'un sang où depuis plusieurs générations on ne rencontrait que ce qu'il y a de plus grand dans l'histoire de France avait ôté à sa manière d'être tout ce que les gens du peuple appellent "des manières" et lui avait donné la parfaite simplicité*» (Proust IIIб, 145-150). / «Герцогиня прервала себя на полуслове, так как вошла виконтесса де Марсант, мать Робера. Сен-Жерменское предместье считало ее существом идеальным, ангельской доброты и кротости. Я об этом слышал давно, и до времени меня это не удивляло, пока я не узнал, что она родная сестра герцога Германтского. Потом я всякий раз приходил в изумление, сталкиваясь с тем, что в этом обществе мечтательные, чистые, жерт-

вовавшие собой, чтимые, как безгрешные святые на витражах, женщины цвели на одном родословном дереве с их братьями – грубиянами, развратниками и подлецами....В деревне виконтессу де Марсант обожали за добро, которое она делала, а главное вот за что: в жилах у нее текла чистая кровь доблестнейших родов Франции, сливавшаяся на протяжении столетий, и благодаря этому казалось, что она не "ломается", как любит выражаться простой народ, она держала себя с ним удивительно просто» (Пруст III, 287–290). Основная «функция», назначение этого персонажа – быть матерью. В поэтониме *Marsantes* содержится соответствующая подсказка для читателя, а компонент *saint* (святий) характеризует уже не род деятельности, а скорее характер и образ жизни персонажа, что и находит подтверждение в романе.

Еще одним персонажем с «говорящим именем», характеризующим род деятельности, является *le marquis de Beausergent* (маркиз де Босержан), второстепенный персонаж романа. Внутренняя форма данного онима распадается на два элемента: *beau* (красивый) + *sergent* (сержант). Эта характеристика дважды обыгрывается в романе.

Первое упоминание имени маркиза связано с госпожой де Говожо. «Il [de Beausergent] acceptait souvent de la sorte d'aller au théâtre avec *Mme de Cambremer* ; dans la salle et à la sortie, dans le vestibule, il restait bravement auprès d'elle au milieu de la foule des amies plus brillantes qu'il avait là et à qui il évitait de parler, ne voulant pas les gêner, et comme s'il avait été en mauvaise compagnie. Si alors passait la princesse de Guermantes, belle et légère comme Diane, laissant traîner derrière elle un manteau incomparable, faisant se détourner toutes les têtes et suivie par tous les yeux (par ceux de *Mme de Cambremer* plus que par tous les autres), *M. de Beausergent* s'absorbait dans une conversation avec sa voisine, ne répondait au sourire amical et éblouissant de la princesse que contraint et forcé et avec la réserve bien élevée et la charitable froideur de quelqu'un dont l'amabilité peut être devenue momentanément gênante». (Proust IIIa, 104-105). / «Он [де Босержан] часто ходил в театр по приглашению маркизы де Говожо; в зрительном зале и при разъезде, в вестибюле, он имел мужество не отходить от нее, хотя их окружал целый рой более блестящих его приятельниц, но с ними он старался не заговаривать, чтобы не ставить их в неловкое положение, словно он находился в дурном обществе. Если мимо проходила принцесса Германтская, прекрасная и быстроногая, как Диана, волоча за собой бесподобное манто, заставляя

оборачиваться все головы и притягивая все взгляды (взгляд маркизы де Говожо сильнее, нежели чей-либо еще), *маркиз де Босержан* делал вид, что оживленно беседует со своей спутницей, и отвечал на ослепительную дружескую улыбку принцессы натянуто и напряженно, с благовоспитанной сдержанностью и милостивой холодностью человека, любезность которого может на какое-то время быть в тягость» (Пруст III, 70). Соответственно, основное предназначение этого персонажа быть в некотором роде «сержантом» при маркизе де Говожо.

В последнем томе читатель узнает, что на самом деле у маркиза был военный чин, а также, что военная форма была действительно к лицу маркизу: «*Le jeune marquis de Beausergent, que j'avais vu dans la loge de Mme de Cambremer, alors sous-lieutenant, le jour où Mme de Guermantes était dans la baignoire de sa cousine, avait toujours ses traits aussi parfaitement réguliers... remarquant que ce sous-lieutenant que j'avais connu avait cinq galons, ma première pensée fut de le féliciter non d'avoir été promu colonel, mais d'être si bien en colonel, déguisement pour lequel il semblait avoir emprunté l'uniforme, l'air grave et triste de l'officier supérieur qu'avait été son père*» (Proust VII, 160-161). / «Молодой маркиз де Босержан, – я его, лейтенантом, видел как-то в ложе 2-жи де Камбремер, в тот день, когда 2-жа де Германт посетила бенуар своей кухни, – по-прежнему отличался совершенно правильными чертами лица... заметив на его форме пять нашивок, моей первой мыслью было поздравить его – не с тем, что его повысили и теперь он полковник, но с маскарадным полковничьим костюмом, который так ему шел, что ради него, как мне виделось, он заимствовал не только униформу, но и степенный, грустный облик своего отца, прославленного офицера» (Пруст VII, 112).

Таким образом, оним дважды обыгрывается в романе, подтверждая свое значение. В первом случае маркиз предстает как сержант, слуга 2-жи де Говожо (*sergent*), а во втором – как действительно красивый офицер (*beau* + *sergent*). ИС, как видим, содержит и указание на род деятельности, и характеристику внешности.

Примером персонажей, «говорящие» имена которых характеризуют их сразу с нескольких сторон, являются и *M.*, *Mme Verdurin* (2-н и 2-жа Вердюрен). Чета Вердюренов – персонажи, занимающие значительное место в романе. Их фамилия состоит из двух компонентов: *verdure* (зелень) + суффикс *-in*. В словаре E. Littré сообщается, что сущ. *verdure* происходит от прил. *vert* (зеленый) [Littré 1874: 2453]. В свою очередь,

прил. *vert* имеет несколько значений, среди которых: а) употребляется в отношении людей преклонного возраста, которые ведут активный образ жизни; б) решительный, не колеблющийся [Littré 1874: 2465]. Оба эти значения находят отражение в образе жизни и характере этих персонажей:

а) «... *quelques années après celle où j'allai pour la première fois à Balbec, faisant à Paris une course en voiture avec un ami de mon père et ayant aperçu une femme qui marchait vite dans la nuit, je pensai qu'il était déraisonnable de perdre pour une raison de convenances ma part de bonheur dans la seule vie qu'il y ait sans doute, et sautant à terre sans m'excuser, je me mis à la recherche de l'inconnue, la perdis au carrefour de deux rues, la retrouvai dans une troisième, et me trouvai enfin, tout essoufflé, sous un réverbère, en face de la vieille Mme Verdurin que j'évitais partout et qui, heureuse et surprise, s'écria : "Oh ! comme c'est aimable d'avoir couru pour me dire bonjour"*» (Proust II, 311). / «...несколько лет спустя после моей первой поездки в Бальбек, разъезжая по Парижу в коляске с другом моего отца, я разглядел в вечерней темноте быстро шедшую женщину и, решив, что безрассудно только из приличия терять свою долю счастья в жизни, – а жизнь у нас, по всей вероятности, одна, – я, не извинившись, выскочил из экипажа, пустился на поиски незнакомки, потерял ее из виду на первом перекрестке, догнал на втором и наконец, запыхавшись, столкнулся под фонарем со старухой Вердюрен – я всегда от нее прятался, а она с радостным изумлением воскликнула: "Ах, какой вы милый, – так бежать, только чтобы со мной поздороваться!"» (Пруст I-II, 713);

б) «*Ce n'était plus qu'une cire perdue, qu'un masque de plâtre, qu'une maquette pour un monument, qu'un buste pour le Palais de l'Industrie, devant lequel le public s'arrêterait certainement pour admirer comment le sculpteur, en exprimant l'imprescriptible dignité des Verdurin opposée à celle des La Trémoille et des Laumes qu'ils valent certes ainsi que tous les ennuyeux de la terre...*» (Proust I, 256). / «Но это было только нечто отлитое из воска, только гипсовая маска, только макет памятника, только бюст для выставки во Дворце промышленности – бюст, перед которым, несомненно, останавливалась бы публика полюбоваться искусством ваятеля, сумевшего выразить неколебимую горделивость Вердюренов, торжествующих и над де Ла Тремуй и над де Лом, которым они ни в чем решительно не уступят, равно как и всем скучным на свете...» (Пруст I-II, 278).

Оним *Verdurin* указывает и на возраст (ближе к преклонному), и на образ жизни (активный), и на характер (решительный). Суффикс *-in* является суффиксом отрицательной оценки [Фененко 2001: 35] и служит для выражения отрицательного отношения автора к персонажам. Примеры, приведенные выше, полностью подтверждают «говорящий» компонент имени *Verdurin*.

Некоторые имена, закрепленные за персонажами, помимо того, что характеризуют их обладателя с разных сторон, могут участвовать в создании практически взаимоисключающих образов этого персонажа. Таким персонажем является *M. Legrandin* (з-н *Легранден*). Он характеризуется неоднозначностью, которая находит отражение в фамилии. Оним *Legrandin* состоит из трех компонентов: *опр. арт. ед. числа м. р. le + grand + суффикс -in*. Как прилагательное «*grand*» является многозначным – ‘большой’, ‘глубокий’, ‘широкий’, ‘высокий’, ‘длинный’, ‘крупный’ [Гак 2006: 500–501], так и персонаж, закрепленный за этим именем, является «многогранным»: «*En rentrant de la messe, nous rencontrions souvent M. Legrandin qui, retenu à Paris par sa profession d'ingénieur, ne pouvait, en dehors des grandes vacances, venir à sa propriété de Combray que du samedi soir au lundi matin. C'était un de ces hommes qui, en dehors d'une carrière scientifique où ils ont d'ailleurs brillamment réussi, possèdent une culture toute différente, littéraire, artistique, que leur spécialisation professionnelle n'utilise pas et dont profite leur conversation. Plus lettrés que bien des littérateurs ...doués de plus de « facilité » que bien des peintres, ils s'imaginent que la vie qu'ils mènent n'est pas celle qui leur aurait convenu et apportent à leurs occupations positives soit une insouciance mêlée de fantaisie, soit une application soutenue et hautaine, méprisante, amère et consciencieuse*» (Proust I, 86). / «Возвращаясь из церкви, мы часто встречали инженера *Леграндена*, – его вечно задерживали дела в Париже, так что, если не считать Святюк, он приезжал к себе в Комбре в субботу вечером, а в понедельник утром уезжал. Он принадлежал к числу людей, которые не только сделали блестящую ученую карьеру, но и обладают совсем иного рода культурой – литературной, художественной, совершенно ненужной для их профессии, однако обнаруживающейся при разговорах с ними. *Более сведущие, чем многие литераторы ... и отличающиеся большей «набитостью руки», чем многие художники, они убеждены, что жизнь у них сложилась неудачно, и работают они спроста, хотя не без затей, или же с неумолимой и надменной, презрительной, желчной и добросовестной старательностью*» (Пруст I-II, 92). Так

автор вводит в повествование имя и персонаж. Легранден изображен как человек, добившийся больших успехов в карьере, имеющий множество талантов. Даже профессия (*ingénieur*) возводит Леграндена в ранг «больших» людей, так как имеет тот же корень, что и существительное *génie* (гениальность).

Затем автор обращается к описанию внешности персонажа и также говорит об отношении семьи Марселя к Леграндену: «*Grand, avec une belle tournure, un visage pensif et fin aux longues moustaches blondes, au regard bleu et désenchanté, d'une politesse raffinée, causeur comme nous n'en avons jamais entendu, il était aux yeux de ma famille, qui le citait toujours en exemple, le type de l'homme d'élite, prenant la vie de la façon la plus noble et la plus délicate*» (Proust I, 86). / «*Высокий, стройный, с тонким задумчивым лицом, с длинными светлыми усами, с голубыми глазами, выражавшими разочарование, изысканно вежливый, такой интересный собеседник, какого мы отроду не слыхивали, Легранден считался у нас в семье образцом благородства и деликатности, натурой исключительной*» (Пруст I-II, 92).

Приведенная характеристика подтверждает тот факт, что Легранден является действительно высоким (*grand*), и в глазах семьи Марселя он также большой человек (*grand*). При введении данного персонажа М.Пруст дает ему характеристику, которая полностью, в различных аспектах, совпадает со значениями компонента его фамилии «*grand*».

Однако в третьем томе «У Германтов» Легранден предстает перед читателем в новом облике. Следует напомнить, что Легранден в романе не раз говорил, что не имеет желания общаться с представителями аристократии. Во время ужина у маркизы де Вильпаризи ей сообщают, что некий господин добивается встречи с ней. И к большому удивлению речь идет именно о Леграндене: «*Le visiteur importun entra, marchant droit vers Mme de Villeparisis, d'un air ingénu et fervent, c'était Legrandin*» (Proust IIIб, 40). / «*Вошел назойливый посетитель и с простодушным и восторженным видом направился прямо к маркизе де Вильпаризи; это был Легранден*» (Пруст III, 230). Можно сказать, что посредством этого предложения автор вводит персонаж Леграндена во второй раз. Фамилия *Legrandin* находится в сильной позиции, на нее падает логическое ударение, т.е. этим привлекается внимание читателя, акцентируется, что это был именно Легранден, и вместе с тем читатель понимает, что автор хотел вызвать интерес у читателя, оттягивая до последнего введение его имени. Таким образом, М.Пруст добивается того, что у читателя меняет-

ся мнение относительно Леграндена в противоположную сторону. Он видит его в другом свете. Особо следует отметить эпитет «*ingénu*» (*наивный, простодушный, чистосердечный, простосердечный, невинный*) в предложении, где персонаж вводится во второй раз, так как он схож по звучанию с профессией «*ingénieur*», которая фигурирует во время введения персонажа в первый раз. Читатель видит двух разных Легранденов (М.Пруст на протяжении всего романа не раз указывал на нескольких Альбертин, нескольких Жильберт, несколько Рахилей, несколько герцогинь Германтских), первый из них предстает как положительный персонаж, с хорошей репутацией, а второй – как сноб, отрицательный персонаж, назойливый и лицемерный.

Оним *Legrandin* характеризует персонажа, закрепленного за ним, в нескольких аспектах. С одной стороны, обыгрываются два значения прилагательного *grand* – *высокий* (о росте) и *большой, великий* (о характере). В поэтониме *Legrandin* есть компоненты, указывающие на положительные стороны персонажа; с другой – включается компонент, несущий отрицательную оценку (суффикс *-in*). Эти характеристики проявляют себя таким образом, что в романе создается два образа Леграндена (положительный и отрицательный).

Четвертую группу составляют ИС, закрепленные за второстепенными персонажами, но косвенно характеризующие главных персонажей. Такие «говорящие» имена могут характеризовать как главных персонажей, так и второстепенных действующих лиц, за которыми эти имена закреплены. Например, *Dechambre* (*Дешамбр*) является самостоятельным персонажем, но вместе с тем характеризует чету Вердюренов. Оним *Dechambre* может быть представлен как состоящий из двух элементов: *de + chambre* (*камерный*). Словарь С.И.Ожегова дает следующие определения прилагательного камерный: а) для небольшого числа музыкальных инструментов или голосов, не оркестровый, не хоровой; б) предназначенный для небольшого, узкого круга слушателей, зрителей [Ожегов 1981: 234].

Данную фамилию носит пианист, выступавший на вечерах у г-жи Вердюрен: «*Pour faire partie du "petit noyau", du "petit groupe", du "petit clan" des Verdurin, une condition était suffisante mais elle était nécessaire : il fallait adhérer tacitement à un Credo dont un des articles était que le jeune pianiste, protégé par Mme Verdurin cette année-là et dont elle disait : "Ça ne devrait pas être permis de savoir jouer Wagner comme ça !", "enfonçait" à la fois Planté et Rubinstein et que le docteur Cottard avait plus de diagnostic que*

Potain» (Proust I, 193). / «Чтобы вступить в "ядрышко", в "группку", в "кланчик" Вердюренов, требовалось только одно, но зато необходимое условие: нужно было безоговорочно принять символ веры, один из членов коего состоял в том, что молодой пианист, которому в тот год покровительствовала г-жа Вердюрен и про которого она говорила: "Пусть кто-нибудь попробует так сыграть Вагнера!" – "забывает" и Плантеи Рубинштейна, а доктор Котар как диагност лучше Потена» (Пруст I-II, 209). Уже при первом упоминании о пианисте идет указание на ограниченное число персонажей (группа, ядрышко, кланчик), т.е. свое отражение находит второе значение прилагательного камерный. И мы можем говорить о том, что данный персонаж характеризует Вердюренов (они предпочитают собирать у себя ограниченное количество друзей и слушать музыку).

Однако имя пианиста вводится много позднее, и именно тогда читатель может уяснить информацию, содержащуюся в имени: *«Mais à propos du jeune violoniste, continua Brichtot, j'oubliais, Cottard, de vous parler de la grande nouvelle. Saviez-vous que notre pauvre ami Dechambre, l'ancien pianiste favori de Mme Verdurin, vient de mourir?» (Proust IV, 286). / «Да, кстати, о молодом скрипаче, – продолжал Бришо, – я забыл сообщить вам, Котар, печальную новость. Вы слышали, что наш бедный друг Дешамбр, пианист, которого раньше особенно любила госпожа Вердюрен, только что скончался?» (Пруст IV, 333). Поэтоним Dechambre отражает род деятельности его обладателя (пианист, исполняющий камерную музыку). И, как мы отмечали ранее, персонаж, закрепленный за этим именем, выполняет еще одну функцию: он «вскрывает» особенности четы Вердюренов.*

Примером второстепенных персонажей с «говорящими именами», характеризующими главных персонажей, может выступить и семья *les Courvoisier* (Курвуазье). Ее характеристику читатель находит в третьем томе «У Германтов». Этот том посвящен знакомству с членами семьи Германтов и людьми, которые их окружают. Семья Курвуазье также вводится в этом томе. Фамилия *Courvoisier* может быть представлена как *cour* (двор) + *voisier* от *voisin* (соседний), т.е. соседний двор. Причем соседний двор по отношению к Германтам. Уже первое упоминание имени *Courvoisier* оказывается связанным с Германтами: *«Mme de Courvoisier prétendait qu'il y avait aussi M. Ribot, mais c'était une invention destinée à faire croire qu'Oriane cherchait à faire nommer son mari ambassadeur» (Proust III, 101). / «Г-жа де Курвуазье уверяла, что герцогиня пригласила то-*

гда и Рибо, но это она сочинила с целью заронить в умы подозрение, будто Орлана хочет, чтобы ее мужа назначили послом» (Пруст III, 490).

Две эти семьи соперничают, чему читатель находит много параллельных свидетельств: *«Ce génie était intervenu dans une circonstance qui avait été loin d'être indifférente non seulement aux Guermantes, mais aux Courvoisier, partie adverse de la famille et, quoique d'aussi bon sang que les Guermantes, tout l'opposé d'eux...» (Proust III, 124). / «Тот же дух дал знать о себе в одном обстоятельстве, отнюдь не безразличном не только для Германтов, но и для Курвуазье, другой ветви рода, почти такой же знатной, как и Германты, но представлявшей полную им противоположность...» (Пруст III, 502). Можно сказать, что роль семьи *Courvoisier* в романе сводится к выявлению особенностей Германтов через сравнение этих двух семей. Какой-либо иной информации об обладателях «говорящего» имени *Courvoisier* читатель не получает.*

Роман М.Пруста содержит большое количество ИС, многие из которых являются «говорящими». Поэтонимы наполняются смыслом благодаря ассоциациям с апеллятивами (*Jupien, Israëls*). Помимо этого, обыгрывается этимологическое значение онимов (*Bloch*). Определенную роль в составе ИС играют и суффиксы, указывающие на отношение автора к персонажам (*Verdurin, Legrandin*). Характеристика, содержащаяся в имени, может относиться к национальности (*Israëls, Bloch*), чертам характера (*M. de Norpois, Jupien*), роду деятельности (*le marquis de Beausegent, Mme de Marsantes*). Кроме того, «говорящие» имена могут характеризовать персонаж сразу в нескольких аспектах (*les Verdurin, M. Legrandin*). Характеризующая функция ИС может проявляться и в том, что онимы, закрепленные за второстепенными персонажами, указывают на (характеризуют) главных персонажей (*les Courvoisier, Dechambre*).

Примечание

¹ В ссылках на источники обозначены их условные сокращения.

Список источников

Пруст I-II – Пруст М. По направлению к Свапу; Под сенью девушек в цвету / пер. с фр. Н.Любимова. М.: Эксмо, 2010. 992 с.

Пруст III – Пруст М. У Германтов / пер. с фр. Н.Любимова. М.: Эксмо, 2008. 720 с.

Пруст IV – Пруст М. Содом и Гоморра / пер. с фр. Н. Любимова. М.: Эксмо, 2008. 640 с.

Пруст VII – *Пруст М.* Обретенное время / пер. с фр. А. Година, URL: <http://agodin.files.wordpress.com/2010/12/proust6.pdf> (дата обращения: 02.06.12).

Пруст I – *Пруст М.* В поисках утраченного времени: В сторону Свана / на фр. яз. М.: Прогресс, 1976. 438 с.

Пруст II – *Пруст М.* Под сенью девушек в цвету / на фр. яз. М.: Прогресс, 1982. 584 с.

Пруст IIIа – *Proust M.* A la recherche du temps perdu : Le côté de Guermantes (Première partie). URL: http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Proust_A_la_recherche_du_temps_perdu_06.pdf (дата обращения: 02.06.2012).

Пруст IIIб – *Proust M.* A la recherche du temps perdu : Le côté des Guermantes (Deuxième partie). URL: http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Proust_A_la_recherche_du_temps_perdu_06.pdf (дата обращения: 02.06.2012).

Пруст IIIв – *Proust M.* A la recherche du temps perdu : Le côté de Guermantes (Troisième partie). URL: http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Proust_A_la_recherche_du_temps_perdu_08.pdf (дата обращения: 02.06.2012).

Пруст IV – *Proust M.* Sodome et Gomorre. Paris: Gallimard, 2010. 654 p.

Пруст VII – *Proust M.* A la recherche du temps perdu : Le temps retrouvé (Première partie). URL: http://beq.ebooksgratuits.com/vents/Proust_A_la_recherche_du_temps_perdu_14.pdf (дата обращения: 02.06.2012).

Список литературы

Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. Изд. 2-е, испр. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.

Гак В.Г. и др. Французско-русский словарь активного типа / В.Г.Гак, Ж.Триомф, Г.Г.Соколова и др.; под ред. В.Г.Гака и Ж.Триомфа. 7-е изд., стереотип. М.: Медиа, 2006. 1055 с.

Джарылгасинова Р.Ш. и др. Системы личных имен у народов мира / Р.Ш. Джарылгасинова, М.В.Крюков, В.А.Никонов, А.М.Решетов. М.: Гл. редакция вост. лит. изд-ва «Наука», 1989. 383 с.

Калинкин В.М. От литературной ономастики к поэтонимологии // Λογος ὀνομαστικῆς. 2006. №1. С. 81-89.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981. 816 с.

Фененко Н. А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 140 с.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. Л.: Ленингр. ун-т, 1990. 103 с.

Dauzat A. Dictionnaire étymologique des noms de famille et prénoms de France. Paris : Librairie Larousse, 1951. 629 p.

Littré E. Dictionnaire de la langue française. Vol.4. Paris: Librairie Hachette, 1874. 2631 p.

Vendryes J. Marcel Proust et les noms propres // Edmond Huguet. Mélanges de philologie et d'histoire littéraire offerts à Edmond Huguet. Paris : Boivin, 1940. P.119–127.

THE CHARACTERIZING FUNCTION OF PROPER NAMES IN THE NOVEL “IN SEARCH OF LOST TIME” BY MARCEL PROUST

Elena G. Priytenko

Assistant of French Language Department
Omsk State Pedagogical University

In the article we analyse the «meaningful names» of the novel «In search of lost time» by Marcel Proust. An attempt was undertaken to group the proper names in the field of characterization. Special attention is paid to allusions caused by the internal form of the name. The component analysis allows to reveal associations with appellatives and the meaning of «talking names». Furthermore, we take into consideration the etymology of poetonyms and expressivity of suffixes. Four groups of proper names are singled out: 1) names marking nationality, 2) names, describing character, 3) names, describing characters in several aspects, 4) onyms, indirectly describing main characters.

Key words: «talking name»; onym; character; characteristics; component.